

Вопросы территории

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТЕРРИТОРИЯ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ. НА ПРИМЕРЕ ШПИЦБЕРГЕНА

Л.Д. Тимченко*

В 80-е годы вопросы, связанные с уменьшением уровня конфронтации, с решением экологических проблем, с расширением экономического и научного сотрудничества между государствами, были поставлены в повестку дня международной жизни с особой остротой. Отсутствие положительного ответа на них может привести к трагическому решению дилеммы «быть или не быть». В этой связи велики роль и значение международного права — науки сложных проблем современности, требующих нестандартных подходов. Новые подходы, в частности, нужны в области теоретических исследований правового статуса территорий в международном праве и практического применения полученных в ходе таких исследований результатов. Данная статья посвящена исследованию некоторых аспектов этой актуальной проблемы. Статус архипелага Шпицберген, определенный Договором о Шпицбергене 1920 года, выбран в качестве базисного предмета исследования.

Определение понятий «Юридическая природа» и «Режим» («Правовой режим»)

Проблема юридической классификации территорий привлекала и продолжает привлекать внимание юристов-международников. Это и понятно, поскольку вопросы территориального верховенства, суверенных прав, сфер деятельности и использования ресурсов непосредственно связаны с политическими и экономическими отношениями и в конечном счете — с материальными условиями жизни государств и народов. Принятие в 1982 году Конвенции ООН по морскому праву дало мощный импульс для развертывания нового раунда дискуссий по этой проблеме. Юрис-

* Кандидат юридических наук. Доцент кафедры конституционного и международного права Университета внутренних дел Украины.

ты-международники, специализирующиеся на изучении вопросов правовой классификации морских пространств, как правило, анализируют эти проблемы в более широкой плоскости, а именно — юридическую природу и правовой режим территорий в международном праве вообще.

Большинство авторов используют понятия «режим» или «статус» при анализе правового положения той или иной территории. Так, профессор М.И. Лазарев пишет: «Теоретически правопорядок на Мировом океане складывается из двух видов регулирования. Это, во-первых, *правовой режим* различных пространств Мирового океана, включая как горизонтальное, так и вертикальное пространство (столб воды, дно и его недра, воздушный столб над акваторией). Здесь речь идет о внутренних водах, территориальных водах, континентальном шельфе, экономической зоне, открытом море над экономической зоной, открытом море вне экономической зоны, международных проливах и каналах, дне и недрах международного «Района», воздушном пространстве над акваториями.

Это, во-вторых, *правовой режим* (курсив наш. — Л.Т.) различных функциональных видов пользования морем: торгового судоходства, военного мореплавания, рыболовства, другого морского промысла, морской геологии (добычи минералов с поверхности дна и недр), морской археологии, научных исследований, охраны морской среды, авионавигации над Мировым океаном, космической деятельности в ее пределах и др.»¹.

Профессор С.В. Молодцов в своей монографии «Международное морское право» отмечает: «В силу того, что открытое море не находится под суверенитетом ни одного из государств, а в его освоении и использовании заинтересованы так или иначе все государства мира, его *правовой режим* (курсив наш. — Л.Т.) устанавливается только на международной основе»². Далее в данной работе говорится: «По Конвенции о континентальном шельфе прибрежному государству были предоставлены права над континентальным шельфом за пределами территориального моря... Это обстоятельство существенным образом изменило *правовой режим* в пределах континентального шельфа в пользу прибрежного государства. Но оно не изменило *правового статуса* (курсив наш. — Л.Т.) континентального шельфа как части открытого моря»³.

В самой Конвенции 1982 года термины «режим» («правовой режим») и «статус» («правовой статус») также используются. Например, ст. 49(4) устанавливает: «*Режим* (курсив наш. — Л.Т.) архипелажного прохода по морским коридорам, устанавливаемый в настоящей Части, в других отношениях не затрагивает статус архипелажных вод»⁴. Я. Броунли считает, что «международное право

знает четыре вида режима территорий: территориальный суверенитет; территория, на которую не распространяется суверенитет какого-либо государства или группы государств и которая имеет свой собственный статус (например, подмандатные и подопечные территории); *res nullius* (ничейная территория) и *res communis* (территория, принадлежащая всем)»⁵. Ю.Г. Барсегов, рассматривая проблему правовой классификации территорий, использует термин «статус»⁶, М.В. Яновский применял понятие «режим»⁷ для аналогичных целей, подобный же термин используется в «Курсе международного права в шести томах»⁸. Дж. Коломбос применял термины «режим»⁹, «статус»¹⁰ и «юридическая природа»¹¹, давая юридические характеристики территориальных пространств.

Вышеизложенные примеры показывают, что среди юристов-международников нет единообразия в применении указанных терминов. Оба термина — «режим» и «статус» — часто используются для описания существенной характеристики правового положения того или иного пространства, которая качественным образом отличает его от других пространственных категорий. Некоторые авторы пытаются различать понятия «режим» и «статус», как это делает С.В. Молодцов, правда, не всегда последовательно¹². Необходимо отметить, что в Конвенции 1982 года имеется некоторое различие между данными понятиями. В Конвенции 1982 года термин «режим» («правовой режим») означает совокупность норм, которые регулируют определенное явление в рамках фундаментальных принципов, образующих правовой базис каждой пространственной категории. Последнее в Конвенции 1982 года обозначается термином «статус» («правовой статус»). В этой связи предлагается Р.В. Деканозова применять понятие «юридическая природа» в качестве критерия для классификации территорий в международном праве кажется весьма конструктивным¹³. Применяя этот термин, необходимо под ним понимать то, что обозначается понятием «статус» («правовой статус») в Конвенции 1982 года. Соответственно, понятия «режим» («правовой режим») и «статус» («правовой статус») в таком случае должны использоваться в значении, в котором в Конвенции 1982 года применяется термин «режим» («правовой режим»). Р.В. Деканозова отмечает: «Чтобы яснее представить себе соотношение понятий «юридическая природа» и «правовой режим», можно, например, отметить, что территории, обладающие одинаковой юридической природой и, следовательно, образующие единую пространственную категорию, могут различаться в ряде аспектов по своему правовому режиму (скажем, морское дно за пределами национальной юрисдикции и открытое море или небесные тела). И наоборот, правовой режим территорий, различающихся по своей юридической природе, может иметь общие черты

(например, правовой режим международных каналов и открытого моря)»¹⁴. Другими словами, юридическая ясность в отношении той или иной территории может быть достигнута только посредством анализа этих двух компонентов вместе. Дж. Коломбос, который использовал термин «юридическая природа» в этом же значении, вначале определял правовой режим территориальных вод и затем выяснял юридическую природу этого пространства¹⁵. Д.М. Джонстон, анализируя вопросы регулирования деятельности в Мировом океане, подчеркивает: «Даже не юристы имеют тенденцию считать, что *природа* и характеристика соответствующего *режима* являются совершенно нормальной и полезной отправной точкой для исследования вопросов регулирования деятельности в Мировом океане»¹⁶. Эта точка зрения разделяется также А.Л. Колодкиным¹⁷ и С.А. Малининым¹⁸, которые прямо не называют юридическую природу территорий в качестве критерия для их классификации, однако ясно подразумевают ее.

Использование критерия юридической природы территорий для их классификации позволяет применить целую палитру красок для описания сложной и многоцветной сущности этого явления. Это явно предпочтительнее бледной двухцветной юридической характеристики пространств — государственная территория и территория, не принадлежащая какому-либо государству¹⁹ (последняя слишком расплывчата и не несет положительной нагрузки). Применение данного критерия позволяет дать следующую классификацию территорий в международном праве:

1. Государственная территория.
2. Международная территория общего пользования (МТОП).
3. Континентальный шельф²⁰.

Ранее эта классификация могла быть дополнена такими категориями, как ничейная земля (*terra nullius*) и подмандатные и подопечные территории. В связи с тем, что первая из перечисленных категорий практически не существует, а вторая, архипелаг Палау, бывшая подопечная территория США, стала в 1994 году независимым государством и была принята 185-м членом в ООН, данная классификация представляется оправданной.

В зависимости от специфики правового режима первые две пространственные категории могут подразделяться на определенные подвиды, к примеру: первая на кондоминиум, сервитуты, аренду и государственную территорию общего пользования; вторая — на открытое море, морское дно за пределами национальной юрисдикции («Район»), небесные тела и т.д. Соответственно, могут быть также и различные подвиды пространств со специфическими правовыми режимами в рамках одного и того же вида. В качестве примера можно сослаться на открытое море: исключительная эко-

номическая зона и прилежащие зоны, замкнутые и полужамкнутые моря.

Отмеченные виды и подвиды пространств, исключая государственную территорию общего пользования (ГТОП), получили довольно широкое освещение в юридической литературе²¹. По этой причине представляет интерес выяснить юридическую природу и правовой режим ГТОП.

Юридическая специфика государственной территории общего пользования

Профессор Б.М. Клименко писал: «Вопрос о юридической природе государственной территории — это вопрос о том, что представляет собой государственная территория с юридической точки зрения. Правильнее говорить о международно-правовой природе государственной территории, ибо при этом подразумевается выяснение того, что представляет собой государственная территория с точки зрения международного права»²². Отвечая на данный вопрос, Б.М. Клименко подчеркивал: «...государственная — это та территория, которая принадлежит определенному государству и в пределах которой оно осуществляет свое территориальное верховенство»²³. Иными словами, государственный суверенитет является базисным компонентом данной международно-правовой категории. Именно здесь лежит качественное юридическое отличие этой пространственной категории от всех остальных. Специфические правовые режимы, такие как кондоминиум, сервитуты, аренда, а также режим общего пользования, могут существовать в рамках данной категории. Необходимо отметить, что существует единственная сухопутная государственная территория общего пользования — это архипелаг Шпицберген (Свальбард) и остров Медвежий²⁴, принадлежащие Норвегии. Уникальность статуса архипелага обязывает рассмотреть основные положения Договора о Шпицбергене 1920 года, который и определил его характерные черты.

Современный международно-правовой режим архипелага Шпицберген был определен Договором о Шпицбергене 1920 года, разработанным и принятым под эгидой Парижской мирной конференции девятью государствами: Великобританией, Данией, Италией, Нидерландами, Норвегией, США, Францией, Швецией и Японией. По данному Договору суверенитет над архипелагом, на определенных в нем условиях, получила Норвегия. Следует отметить, что до этого архипелаг был признан международной территорией общего пользования Соглашением о Шпицбергене 1872 года, заключен-

ным между Швецией—Норвегией и Россией. Этот вывод следует из того обстоятельства, что согласно положениям Соглашения 1872 года суверенитет ни одного государства не распространялся на архипелаг и подданные и компании всех государств могли использовать его в мирных, преимущественно в экономических и научных, целях²⁵. Вопреки нормам международного права Советская Россия, будучи правопреемницей Российской империи, не была приглашена на Парижскую мирную конференцию, чтобы принять участие в переговорах по вопросу о Шпицбергене, несмотря на то что она имела необходимые юридические основания для этого: Советская Россия являлась стороной в Соглашении о Шпицбергене 1872 г. и это Соглашение было в силе на момент принятия Договора о Шпицбергене 1920 года. Исходя из такого положения вещей, советское правительство объявило в ноте от 12 февраля 1920 г., что оно не признает для себя обязательным Договор о Шпицбергене 1920 года. Однако, проявляя добрую волю и беря во внимание перспективы советско-норвежского сотрудничества, советское правительство признало норвежский суверенитет над Шпицбергеном 16 февраля 1920 г. и выразило желание присоединиться к Договору о Шпицбергене²⁶. Лишь после этого события норвежское правительство передало Договор о Шпицбергене 1920 года на ратификацию стортингу и выдвинуло законопроект по Шпицбергену. В соответствии с конституционной процедурой Закон о Свальбарде (так именовался ранее Шпицберген) был принят 17 июля 1925 г. Горный устав для Шпицбергена (Свальбарда) был введен королевским указом от 7 августа 1925 г. Оба документа вместе с Договором о Шпицбергене 1920 года вошли в силу 14 августа 1925 г.²⁷ Из-за нежелания США признавать советское правительство (признание всеми участниками Договора о Шпицбергене 1920 года было условием присоединения СССР к Договору, ст. 10), Советский Союз присоединился к Договору только 7 мая 1935 г. 41 государство участвовало в Договоре на 1 января 1991 г. Вследствие радикальных политических изменений, происшедших на международной арене с 1991 года, проблематично определить точное число участников Договора о Шпицбергене 1920 года в настоящий момент²⁸.

Договор о Шпицбергене 1920 года состоит из Преамбулы, десяти статей и Приложения. Данное соглашение является многосторонним бессрочным договором.

Главная цель Договора выражена в Преамбуле — установить «надлежащий режим, способный обеспечить их (архипелага Шпицберген и острова Медвежий. — Л.Т.) развитие и мирное использование»²⁹. В ст. 1 Договора признается «полный и абсолютный суверенитет Норвегии над архипелагом Шпицберген, охватывающим с

Медвежьим островом, или Берен-Эйланд, все острова, расположенные между 10° и 35° восточной долготы от Гринвича и между 74° и 81° северной широты»³⁰ и их территориальные воды на условиях, определенных этим Договором. В последующих статьях эти условия детализируются. Так, в ст. 3 установлено, в частности: «Граждане всех Высоких Договаривающихся Сторон будут иметь одинаковый доступ для любой цели и задачи в воды, фьорды и порты местностей, указанных в статье 1; они могут заниматься в них без каких-либо препятствий, при условии соблюдения местных законов и постановлений, всякими судоходными, промышленными, горными и коммерческими операциями на условиях полного равенства»³¹. Статья 7 обязала Норвегию «предоставить всем гражданам Высоких Договаривающихся Сторон в отношении способов приобретения права собственности, пользования им и его осуществления, включая право заниматься горным делом, режим, основанный на полном равенстве и согласный с постановлениями настоящего Договора»³². Статья 8 регулирует горные операции на архипелаге: «Норвегия обязуется ввести в местностях, указанных в статье 1, горный устав, который, в особенности с точки зрения налогов, пошлин и повинностей всякого рода, общих или особых условий труда, должен исключать всякого рода привилегии, монополии или льготы как в пользу Государства, так и в пользу граждан одной из Высоких Договаривающихся Сторон, включая Норвегию...»³³. Далее эта статья определила процедуру рассмотрения проекта горного устава и вступления его в силу. Важной составляющей современного статуса архипелага Шпицберген является режим его нейтрализации и полной демилитаризации, установленный в Преамбуле и ст. 9 Договора. В ст. 9 говорится: «С оговоркой в отношении прав и обязанностей, могущих явиться для Норвегии результатом ее вступления в Лигу Наций, Норвегия обязуется не создавать и не допускать создания какой-либо морской базы в местностях, указанных в статье 1, и не строить никаких укреплений в указанных местностях, которые *никогда не должны быть использованы в военных целях* (курсив наш. — Л.Т.)»³⁴. Существует широкораспространенное мнение среди юристов-международников и политологов, что Преамбула и ст. 9 Договора 1920 года установили режим нейтрализации и полной демилитаризации Шпицбергена³⁵. Взгляды Й.Й. Хольста³⁶, Р. Тамнеса³⁷ и некоторых других в отношении того, что Договор 1920 года установил частичную демилитаризацию Шпицбергена, не соответствуют его положениям.

На первый взгляд правовой статус Шпицбергена, установленный Договором 1920 года, имеет сходство с такими институтами, как кондоминиум, сервитуты и аренда. В действительности же он является уникальным в современном международном праве. С точ-

ки зрения международного права архипелаг Шпицберген — это *норвежская государственная территория общего пользования*. С одной стороны, Договор 1920 года дал Норвегии «полный и абсолютный суверенитет» над архипелагом и его территориальными водами. С другой стороны, ст. 2, 3, 6, 7, 8 определили условия распространения норвежского суверенитета над Шпицбергеном на основе принципа полного равенства и свободного доступа государств—участников Договора, включая Норвегию, в отношении любого вида мирной деятельности в местностях, указанных в ст. 1. Другими словами, принцип *общего пользования* архипелагом был зафиксирован в Договоре о Шпицбергене 1920 года³⁸. В. Оестрент определяет его как «принцип интернационализации и принцип равенства»³⁹. Тот же автор считает, однако, что «Норвегия получила весьма специфический и очень ограниченный суверенитет над архипелагом»⁴⁰. Примерно то же мнение было выражено Р. Черчиллем и Г. Ульфштейном: «...норвежский суверенитет над Свальбардом подлежит ограничениям...»⁴¹.

Довольно трудно согласиться с данными авторами, потому что *суверенитет* — это такая правовая и политическая категория, которая не знает частичности: или *суверенитет* есть, или его нет, третьего не дано. Не существует суверенитета высокого и низкого качества. Р. Черчилль и Г. Ульфштейн понимают это и, будучи непоследовательными, замечают: «Однако нет в Договоре о Шпицбергене каких-либо указаний на то, что норвежский суверенитет вообще должен был быть какого-то *низкого качества* (курсив наш. — Л.Т.) по сравнению с суверенитетом других государств над их территориями»⁴². В этой связи представляется целесообразным различать суверенитет и компетенцию государства. Первое понятие означает «верховенство государства на своей территории и независимость в международных отношениях»⁴³. Второе представляет собой совокупность прав и обязанностей, принадлежащих государству как субъекту международного права. Эту точку зрения разделяет, в частности, норвежский профессор К.А. Флейшер, который пишет в отношении Договора о Шпицбергене 1920 года: «Другое существенное ограничение *компетенции* устанавливать горные правила касалось процедуры»⁴⁴. Далее он подчеркивает: «...следует заметить, что статья 1 о норвежском суверенитете — *главное положение* (курсив наш. — Л.Т.), в то время как статьи 2, 3 и 8 должны считаться специфическими исключениями, которые не могут быть предметом какого-либо расширительного толкования»⁴⁵.

На основании вышеизложенного можно заключить, что ограничения Договора 1920 года относятся к компетенции Норвегии в определенных сферах, но не к ее суверенитету над Шпицбергеном.

В этой связи вполне резонно задать вопрос: а какова причина этих ограничений? Ответ следует искать в историческом развитии архипелага как международной территории общего пользования. Этот международный обычай был впервые подтвержден в Соглашении о Шпицбергене 1872 года между Швецией—Норвегией и Россией и позже в Договоре о Шпицбергене 1920 года. Едва можно согласиться с некоторыми авторами⁴⁶, что великие державы стремились обеспечить себя определенными преимуществами посредством ограничений норвежской компетенции. На самом деле эти ограничения были не чем иным, как отражением международного обычая общего пользования архипелагом с целью его мирного освоения на основе принципа полного равенства.

Специфика статуса Шпицбергена также заключается в том, что Договор о Шпицбергене 1920 года не является частью норвежского национального законодательства. И Норвегия не обладает правом изменять его без совершенно ясного согласия всех участников Договора. В 1948 году профессор К. Ларсен отмечал в связи с этим: «Любое изменение в соглашении в отношении островов (Шпицбергенского архипелага. — Л.Т.) является предметом согласия всех его участников и важным фактором современного развития»⁴⁷. Другими словами, Норвегия, будучи сувереном Шпицбергена, должна выполнять свои суверенные права в отношении архипелага в полном соответствии с положениями Договора о Шпицбергене 1920 года.

Представляется логичным, что территории общего пользования, как международные, так и государственные, должны быть нейтрализованы и демилитаризованы, потому что цель режима общего пользования — это обеспечение равных прав государств в отношении мирной экономической и научной деятельности на соответствующей территории. Какие-либо военные операции в пределах таких территорий снижают эффективность режима общего пользования или препятствуют его осуществлению вообще. Не случайно международное сообщество пытается нейтрализовать или демилитаризовать полностью или частично территории общего пользования. В подтверждение этого факта можно сослаться на Договор об Антарктике 1959 года (ст. I), Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 года (ст. IV), Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения 1971 года, Договор о Шпицбергене 1920 года и др.

Анализ основных положений Договора о Шпицбергене 1920 года позволяет сделать вывод о специфических чертах правового статуса государственной территории общего пользования (ГТОП):

1. Международно-правовое регулирование статуса такой территории.

2. Распространение на нее государственного суверенитета.

3. Равенство прав всех участников международного соглашения, определяющего статус такой территории, во всех сферах мирной деятельности на ней.

4. Нейтрализация и демилитаризация.

5. Соответствие норм национального законодательства государства-суверена в отношении такой территории положениям международного соглашения, определяющего ее статус.

Уместно отметить, что водными пространствами, обладающими такой же юридической природой и аналогичным правовым режимом (ГТОП), разумеется, со своей спецификой, являются международные проливы, международные каналы, международные реки и в какой-то степени территориальное море.

Практическое значение правового статуса ГТОП

Географически Шпицберген является частью арктического региона, который притягивает к себе все более пристальное внимание северных и других заинтересованных государств. Это связано прежде всего со стратегическими, экологическими, социальными, экономическими и научными проблемами Севера. Острая необходимость правового и политического решения этих проблем экстренным образом ради укрепления мира и безопасности, доверия и сотрудничества в Арктике подчеркивается политиками, неправительственными организациями, учеными и заинтересованной общественностью. Советский лидер М.С. Горбачев в своей речи в Мурманске 1 октября 1987 г. выдвинул комплекс предложений, направленных на частичную демилитаризацию Севера и расширение мирного сотрудничества в Арктике. Дальнейшее развитие мурманской инициатива получила во время официального визита М.С. Горбачева в Финляндию в октябре 1989 года. В речи во дворце «Финляндия» он, в частности, сказал, что североевропейский регион «имеет стабилизирующее значение для всего европейского процесса»⁴⁸. В этой же речи М.С. Горбачев подтвердил необходимость реализации мурманской инициативы и изложил новые предложения по демилитаризации и гармонизации международных отношений в Арктике. После распада СССР шансы ускорить позитивные процессы на Севере значительно ухудшились. В связи с этим может возникнуть вопрос: а есть ли хоть какой-то пример или модель для такого развития международных отношений в Арктике? Ответ будет положительным, и такая мо-

дель применяется как раз в арктическом регионе — на архипелаге Шпицберген. Более того, представляется целесообразным распространить в будущем статус ГТОП на основе международного соглашения на арктические территории северных государств с целью частичной, а в конечном счете и полной демилитаризации Арктики и развития в этом регионе плодотворного сотрудничества в различных сферах. Это предложение, кажущееся не очень серьезным на первый взгляд, тем не менее имеет определенные исторические основания. Граждане и подданные многих государств; например В. Баренц (Нидерланды); Х. Гудзон (Великобритания); В.Я. Чичагов, С.О. Макаров, В.А. Русанов (Россия); Ф. Нансен, Р. Амундсен (Норвегия); Ф. Эйер, Дж. Лонгйер, Р. Пири (США); Н.А.Е.Норденшельд (Швеция), а также многие другие исследователи и предприниматели из различных государств принимали участие в научном исследовании и освоении Арктики, т.е. до начала XX века существовал обычай общего пользования государственными и международными территориями Арктики⁴⁹. Однако позже северные государства решили закрепить свой исключительный суверенитет над сухопутными территориями в Арктике в силу расширения и интернационализации экономической и научной деятельности в этом регионе. Канада и СССР закрепили свои суверенные права в Арктике с помощью секторальной концепции. Другие арктические государства сделали это с помощью экономического или экологического законодательства. Однако современные тенденции в международных отношениях на Севере требуют консолидированных усилий всех заинтересованных государств в этом уникальном регионе по сохранению его экосистемы и развитию. Ранее некоторые западные авторы (Т. Бальш, Р. Вотрэн, П. Фошиль, Г. Смедаль)⁵⁰ выдвинули идею интернационализации Арктики посредством многостороннего кондоминиума. Например, П. Фошиль предложил установить множественный кондоминиум в арктическом регионе, основанный на континентальном секторальном принципе. В соответствии с этим предложением арктический регион должен быть поделен на американский, европейский и азиатский секторы. Государства, расположенные в той части мира, к которому примыкает сектор, должны эксплуатировать вместе соответствующий сектор⁵¹. Советский Союз считал подобные предложения троянским конем в вопросах своей безопасности и, естественно, не воспринимал их. Теперь же ситуация на международной арене совершенно другая. Учитывая это обстоятельство, а также принимая во внимание процесс интеграции в Западной Европе, регионализацию Арктики и создание Баренцева евро-арктического региона, радикальное снижение напряженности в во-

енной сфере, представляется возможным приступить к дискуссиям о возможности распространения статуса ГТОП на арктические территории северных государств после создания Арктического совета, предложенного Канадой. Эта международная организация должна способствовать эффективному решению острых проблем Арктики и ее сбалансированному развитию.

В соответствии с проектом «Создать международный Арктический совет», опубликованным в Оттаве в 1991 году, главными целями этого форума, как материальными, так и процедурными, должны быть следующие: оказание помощи в защите и восстановлении приполярной экосистемы от вредоносного воздействия несбалансированного индустриального развития Арктики и более южных районов; нахождение решений по уменьшению и в конечном счете прекращению негражданского использования Арктики государствами этого региона; обеспечение справедливости в отношении коренных народов Севера с целью защиты их прав, культуры и образа жизни; содействие и координация социально-экономического и научного сотрудничества в Арктике. Фактически данный проект детализировал идею премьер-министра Канады Брайана Малруни, выдвинутую в Ленинграде в 1989 году⁵².

Ныне существует практически общее мнение в мире, что Арктика — это уникальный регион, который нуждается не в гонке вооружений, а в разностороннем и многостороннем мирном сотрудничестве. Что касается канадского предложения по созданию Арктического совета, то оно должно быть оценено как очень плодотворная инициатива. Вместе с тем проект по созданию международной организации в Арктике оставляет открытым вопрос: будут ли решения Арктического совета юридически, политически или морально обязывающими? Думается, что основной целью данной организации на начальном этапе ее деятельности должна быть разработка рамочной конвенции для Арктики с системой дополнительных протоколов к ней по специальным вопросам.

Возможно, наиболее подходящей отправной точкой на длинном пути создания нового правового режима в арктическом регионе является Договор о Шпицбергене 1920 года. Е. Янг предложила начать создание основ нового режима в Арктике, используя статус архипелага Шпицберген, определенного Парижским договором 1920 года⁵³. Ф. Сулли подчеркивает, что сотрудничество в Арктике должно носить все более интернациональный характер и продолжить традиции широкого международного участия в деятельности на европейском Севере⁵⁴. Он, в частности, писал по этому поводу: «Политические решения играют важную роль и должны оказывать поддержку преимуществу основных политических принципов, заложенных в свальбардском режиме»⁵⁵.

В соответствии с положениями Договора о Шпицбергене 1920 года архипелаг и его территориальные воды «остаются видом *terra communis*, где все участники Договора имеют равное положение и права, но где их деятельность должна осуществляться на основе законов и правил, установленных одним государством, чей суверенитет был признан»⁵⁶, то есть Норвегией. Тем самым признается, что Шпицберген является норвежской государственной территорией общего пользования, где действуют положения Договора о Шпицбергене и нормы норвежского законодательства.

Основные положения Парижского договора 1920 года — это демилитаризация и нейтрализация Шпицбергена и равенство всех его участников в отношении экономической и научной деятельности на архипелаге⁵⁷.

Такие же положения могли бы быть включены в рамочную конвенцию для Арктики в отношении арктических территорий северных государств. На первый взгляд это предложение кажется еретическим, однако в этой связи хотелось бы напомнить слова Гегеля о том, что истина рождается как ересь и умирает как предрассудок.

Так, следует напомнить, что Канада и Советский Союз — Россия неоднократно заявляли о своей заинтересованности в развитии международного сотрудничества в своих арктических территориях и, в частности, в отношении северо-западного прохода и Северного морского пути в соответствии с их национальным законодательством.

Кроме того, широко признано, что научное сотрудничество в Арктике является весьма сложным делом, чтобы успешно осуществляться отдельными государствами, и что максимума эффективности в арктических научных исследованиях можно достичь с помощью международного сотрудничества и координации усилий⁵⁸. Это же относится к экономической, экологической и социальной сферам этого региона. В то же время имеются определенные опасения, что подобное развитие может ущемить суверенитет государств. М. Кампельман считает, что концепция суверенитета в настоящее время модифицируется⁵⁹. Вследствие этой модификации удалось достичь качественно нового уровня отношений между СССР и США в вопросах разоружения, введя инспекцию на местах Договором по ракетам средней и меньшей дальности 1987 года. «Это есть как раз то направление, которого мы должны теперь держаться»⁶⁰.

Датский политолог Л. Лик подчеркивает, что процесс интернационализации в Арктике активно прогрессирует⁶¹. Он наблюдается в торговле, инвестициях, экономике, образовании, научных иссле-

дованиях, политике, в финансовых мегапроектах⁶². Она пишет: «Новые тенденции в арктической экономике начинают проявляться. Среди наиболее важных — это начинающаяся регионализация, большее влияние рыночных механизмов, процесс интернационализации почти во всех сферах экономической и социальной жизни, организационные структуры, которые включают автономию и децентрализацию от общенациональных структур, и, наконец, постоянно растущее экологическое сознание»⁶³. По мнению Л. Лик, новый мировой порядок даст больше пространства для рыночной экономики и уменьшение внимания к военным вопросам⁶⁴. Последнее может быть проиллюстрировано на примере России. Новая политическая ситуация в этой стране и ее новое законодательство действительно дают больше пространства для рыночной экономики. Эта тенденция, в свою очередь, уменьшает влияние военных кругов на политическое и экономическое развитие России в целом и в российской Арктике в частности. Ранее военные должностные лица налагали вето практически на любые виды международного сотрудничества в советской Арктике. Теперь же они становятся все более толерантными в данных вопросах и их влияние на гражданские сферы деятельности в Арктике снизилось значительно⁶⁵.

Е.Л. Морзе считает, что развивается процесс модернизации, что благосостояние, богатство и экономические цели все в большей степени заменяют военные аспекты, что безопасность стала более ориентированной на экономическое измерение, и это усиливает интернационализацию⁶⁶.

Норвежский министр иностранных дел Й.Й. Хольст заявлял в 1993 году: «Будущее Европы будет зависеть от взаимодействия национального развития, транснациональной интеграции и взаимосвязанного регионального сотрудничества. Европейская интеграция фокусируется на Европейском сообществе, которое является двигателем новой Европы. Норвегия желает присоединиться к Сообществу. Мы не считаем это желание несовместимым с продолжающимся процессом национального развития. Скорее это будет усилено по расширению и углублению этого процесса в наше время... Мы также стремимся к расширению регионального сотрудничества на Севере Европы как средству преодоления старых разделительных линий, создания новых сообществ и импульса для сбалансированного развития»⁶⁷.

В этой связи сравнение Шпицбергена с «мини-ЕС», предложенное профессором К.А. Флейшером, выглядит довольно интересно⁶⁸. Норвежский профессор отмечает: «В качестве популярной иллюстрации можно говорить, что случай со Свальбардом представляет нам «мини-Европейское сообщество». Как и в ЕС, суверенитет каждого государства в пределах своих границ не является предме-

том сомнений. Но по так называемому праву основания эти государства согласились, что граждане из других государств-участников имеют право заниматься экономической деятельностью в пределах своей территории, соблюдая при этом правила и требования, применяемые к своим гражданам. Как и в случае с правом основания в ЕС, права, имеющиеся у граждан государств-участников Шпицбергенского Договора, не предполагают какого-либо иммунитета по отношению к законодательству государства-суверена. Но это законодательство не должно быть дискриминационным в отношении иностранцев или среди них, что позволяет осуществлять данные возможности»⁶⁹.

Кто-то может усомниться в возможности использования статуса Шпицбергена в качестве модели для северных государств в процессе формирования нового правового режима в Арктике, поскольку на архипелаге нет коренного населения. Статья 3 Договора о Шпицбергене 1920 года устраняет это сомнение. В соответствии с положениями этой статьи все участники Договора имеют право заниматься каким-либо видом мирной деятельности на архипелаге *с соблюдением местных законов и постановлений*⁷⁰. Таким образом, используя данную модель, права и интересы местного населения не будут нарушены, так как они защищены национальным законодательством. Вместе с тем необходимо отметить, что национальное законодательство арктических государств должно быть сбалансированным и, конечно, не должно служить препятствием для развития между ними сотрудничества в различных сферах. Арктическим государствам следует постепенно гармонизировать свои законодательства на основе согласованных принципов. Так, вначале принцип свободного доступа и равенства на арктических территориях северных государств в отношении научных исследований и экономической деятельности, урегулированных законами и правилами этих государств, должен применяться только к гражданам и юридическим лицам восьми арктических государств. Позже, возможно, это число будет увеличено, но на первой стадии неарктические государства смогут принимать участие в сотрудничестве в арктических районах, находящихся под юрисдикцией северных государств, на основе двусторонних соглашений с северными государствами или многосторонних международных договоров, предусматривающих такое сотрудничество.

Принцип нейтрализации и полной демилитаризации, закрепленный в Преамбуле и ст. 9 Договора о Шпицбергене 1920 года, не может быть применен к арктическому региону немедленно по очевидным причинам. Тем не менее этот принцип должен быть зафиксирован в предложенной Арктической конвенции в качестве цели, которая будет достигаться мерами частичной демилитаризации ре-

гиона. В дополнительном протоколе к Арктической конвенции эти меры могут быть детализированы. Общие принципы сотрудничества в арктических районах, являющихся международной территорией общего пользования (открытое море и воздушное пространство над ним), должны быть также определены в Арктической конвенции с их последующей спецификой в дополнительных протоколах. В отношении экологических вопросов представляется целесообразным воспользоваться предложением Д. Брубакера, то есть двумя уровнями рамочных конвенций — одной общей для Арктики и специализированной конвенцией по экологическим вопросам с серией дополнительных протоколов к каждой⁷¹.

Дополнительные протоколы к Арктической конвенции могут служить формой соглашений, обеспечивающих эффективный правовой режим для северо-западного прохода и Северного морского пути. В этом случае можно было бы воспользоваться антарктической моделью. Э. Франкс отмечает: «Специфический аспект Договора об Антарктике 1959 г., а именно замораживание территориальных претензий, мог бы вполне служить ярким примером для арктических прибрежных государств, чтобы похоронить топорик морских юридических претензий и найти решение общих навигационных проблем»⁷².

Предложение о рамочной Арктической конвенции с серией дополнительных протоколов к ней, использующей принципы ГТОП, зафиксированные в Договоре о Шпицбергене 1920 года, не претендует на истинность в конечной инстанции. Скорее это предложение является отправной точкой для дальнейших дискуссий и его развития. Однако совершенно ясно, что старое мышление слишком долго доминирует в Арктике. «Новая региональная политика остро необходима, и она должна быть связана с более общими изменениями во внешнеполитическом мышлении государств Северного Совета»⁷³. Можно добавить: и арктических государств в целом.

Следующие слова Г. Скагестада, несмотря на свой двадцатилетний возраст, не утратили актуальности и вполне подходят, чтобы заключить эту работу: «Демилитаризованные зоны, право свободного доступа и присутствия, вместе с органами для политических и практических консультаций не могут ни сами по себе, ни совместно обеспечить стопроцентную гарантию от политико-силового конфликта как в полярных регионах, так и в других частях света. Что такие соглашения могут действительно дать — это частичное уменьшение конфликтного потенциала и частично — возможность для заинтересованных государств заблокировать проблемы, чреватые конфликтами, связанными с новыми тенденциями развития. Достижение именно этих результатов может в конечном счете

обеспечить решающее значение для мирного и гармоничного развития полярных регионов»⁷⁴. Арктика нуждается именно в таком развитии. И современная благоприятная международная обстановка должна быть использована арктическими государствами в полной мере для достижения этих целей.

Заключение

Представляется целесообразным использовать критерий «юридическая природа» для правовой классификации территорий. Данный критерий означает базисные правовые черты той или иной территории, отличающие ее качественным образом от других пространств. В рамках той или иной территории могут существовать различные режимы (правовые режимы), которые отражают юридическую специфику данной территории. Для избежания путаницы в понятиях термин «статус» («правовой статус») должен использоваться в том же значении, что и термин «режим» («правовой режим»). Чтобы достичь юридической ясности в отношении конкретной территории, необходимо анализировать оба компонента — юридическую природу и режим (правовой режим) — вместе. На основе критерия «юридическая природа» территории в международном праве могут быть классифицированы следующим образом:

1. Государственная территория.
2. Международная территория общего пользования (МТОП).
3. Континентальный шельф.

В рамках первой группы существуют такие виды режимов, как кондоминиум, сервитуты, аренда и государственная территория общего пользования (ГТОП). Международное право знает немало примеров первых трех режимов, которые подробно анализировались в международно-правовой литературе. Однако имеется единственная сухопутная государственная территория общего пользования — это архипелаг Шпицберген. По своей юридической природе Шпицберген является норвежской государственной территорией со специальным правовым режимом общего пользования. Все участники Договора о Шпицбергене 1920 года, включая государство-суверена, имеют равные права на нейтрализованном и демилитаризованном архипелаге и в его территориальных водах. Анализ главных положений Договора 1920 года позволяет сделать вывод о специфических чертах правового статуса ГТОП:

1. Международно-правовое регулирование статуса такой территории.
2. Распространение государственного суверенитета на нее.

3. Равенство прав всех государств—участников международного соглашения, определяющего статус такой территории, во всех сферах мирной деятельности на ней.

4. Нейтрализация и демилитаризация.

5. Соответствие норм национального законодательства государства-суверена в отношении такой территории положениям международного соглашения, определяющего ее статус.

В течение десятилетий правовой режим Шпицбергена доказал свою жизнеспособность и эффективность. Вот почему представляется рациональным использование его в качестве модели в процессе формирования нового правового режима в Арктике.

¹ Лазарев М.И. Теоретические вопросы современного международного морского права. — М., 1983. — С. 127—128.

² Молодцов С.В. Международное морское право. — М., 1987. — С. 46.

³ Там же. — С. 47.

⁴ UN Convention on the Law of the Sea. A/Conf.62/122.—7 Oct. 1982. — P. 20.

⁵ Броунли Я. Международное право. — М., 1977. — Кн. 1.— С. 173.

⁶ Барсегов Ю.Г. Мировой океан: Право, политика, дипломатия. — М., 1983. — С. 11.

⁷ Яновский М.В. Территория и другие пространства. Общие вопросы// Международное право/Под ред. Тункина Г.И. — М., 1982. — С. 397.

⁸ Курс международного права в шести томах. — М., 1967. — Т. III. — С. 170.

⁹ Коломбос Дж. Международное морское право. — М., 1975. — С. 60, 78, 177.

¹⁰ Там же. — С. 171.

¹¹ Там же. — С. 70, 80.

¹² См. Молодцов С.В. Указ. соч. — С. 49—50.

¹³ См. Деканозов Р.В. О правовой классификации морских пространств (постановка вопроса)//Советский ежегодник международного права. 1985. — М., 1986. — С. 125.

¹⁴ Там же. — С. 126.

¹⁵ Коломбос Дж. Указ. соч. — С. 78, 80—82.

¹⁶ Johnston D.M. The Theory and History of Ocean Boundary-Making. — Kingston-Montreal: McGill-Queen's University Press, 1988. — P. 44.

¹⁷ См. Колодкин А.Л. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. — М., 1973. — С. 54.

¹⁸ См. Малинин С.А. Классификация морских пространств согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г./Проблемы ответственности в международном морском праве. — Тр./ЦНИИМФ, вып. 281. — Л., 1983. — С. 58.

¹⁹ См. Малинин С.А. Указ. соч. — С. 57—58.

²⁰ Эта классификация представлена Р.В. Деканозовым в его ранее цитировавшейся работе (см. с. 132). Он проводит солидное основание под

каждую территориальную категорию как самостоятельную на основе критерия ее юридической природы.

²¹ См. *Verzijl, J.H.W. International Law in Historical Perspective. State Territory. P. III.* — Leyden: A.W. Sijthoff, 1970; *Jennings, R.Y. The Acquisition of Territory in International Law.* Manchester. University Press, 1963; *Shaw M.N. Territory in International Law.* — *13 Netherlands Yearbook of International Law.* 1982. — P. 61—91; *Клименко Б.М. Государственная территория.* — М., 1974.

²² *Клименко Б.М. Международно-правовая природа государственной территории//Советский ежегодник международного права, 1968.* — М., 1969. — С. 196.

²³ Там же. — С. 217. Примерно то же определение можно найти: *Броунли Я.* Указ. соч. — С. 173; *Shaw M.N. International Law.* — Cambr. Grotius Publications, 1991. — P. 276.

²⁴ Остров Медвежий расположен на 126 км южнее Шпицбергена и к архипелагу непосредственно не относится. Однако, как правило, в международном праве они рассматриваются вместе и именуются понятием «Шпицберген» («Свальбард»).

²⁵ Комментарии в отношении Соглашения 1872 года см.: *Деканов Р.В. Соглашение 1872 года о Шпицбергене//Вопросы теории советского права.* — Новосибирск, 1966. — С. 133—138. Представляется интересным отметить, что статус архипелага, определенный Соглашением 1872 года, в международных отношениях ошибочно считался как *terra nullius*. Фактически же ошибочно Шпицберген вплоть до 1925 года оставался международной территорией общего пользования, поскольку ни одно государство не могло распространять свой суверенитет над архипелагом в соответствии с положениями Соглашения 1872 года. Это обстоятельство отличает статус Шпицбергена по Соглашению 1872 года от концепции *terra nullius*. См. *Тимченко Л.Д. Шпицберген: история и современность. Международно-правовой аспект.* — Харьков, 1992. — С. 18, 23.

²⁶ См. *Документы внешней политики СССР.* — М., 1958. — Т. II. — С. 368—369.

²⁷ См. *Тимченко Л.Д.* Указ. соч. — С. 56.

²⁸ Автор в ноябре 1993 года при посещении Министерства иностранных дел Норвегии пытался выяснить число участников Договора о Шпицбергене 1920 года, но по вышеуказанным причинам эта попытка не увенчалась успехом.

²⁹ *Treaty of 9 February 1920 relating to Spitsbergen (Svalbard). Act of 17 July 1925 relating to Svalbard. The mining Code for Spitsbergen (Svalbard).* — Oslo: Royal Ministry of Justice, 1988. — P. 3.

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Ibid. — P. 4.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. — P. 4—5.

³⁵ В этой связи Т. Ллойд писал: «...почти 40 лет Свальбард был единственной значительной частью мира, постоянно демилитаризованной на

основе международного соглашения; с 1959 года он был пополнен в этом отношении Антарктикой» (*Lloyd T. New Perspective on the North. — Foreign Affairs. 1963/64, Vol. 42, No. 2, P. 298*). Использование примера с Антарктикой в этом контексте подчеркивает полный характер демилитаризации Шпицбергена. См. также *Sollie F. The New Development in the Polar Regions. //Cooperation and Conflict. 1974. — No 2/3. — P. 34; Piccioni C. Le Spitzberg et la convention de 9 février 1920. — Revue générale de droit international public. 1923. — No. 1—2. — P. 112; Деканозов П.В. Договор 1920 года о демилитаризации и нейтрализации Шпицбергена//Ученые записки азербайджанского ун-та. Серия юрид. наук. — 1968. — № 1. — С. 74; Тимченко Л.Д. Указ. соч. — С. 76—77.*

³⁶ См. *Holst J.J. The Strategic Importance of the North Atlantic: Norway's Role and Options//Bertram C., Holst J.J. (eds.). New Strategic Factors in the North Atlantic. — Oslo: University Press, 1977. — P. 185.*

³⁷ См. *Tammes R. Svalbard og den politiske avmakt. — Forvarsstudier 1/92. Institutt for forvarsstudier. — P. 84.*

³⁸ Более детальный комментарий на этот счет можно найти: *Тимченко Л.Д. Указ. соч. — С. 60—74.*

³⁹ См. *Ostreg W. Politics in High Latitudes. The Svalbard Archipelago. — L., C. Hurst, 1977. — P. 14.*

⁴⁰ *Ibid. — P. 26.*

⁴¹ *Churchill R., Ulfstein G. Marine Management in Disputed Areas. The Case of the Barents Sea. — L., Routledge, 1992. — P. 46.*

⁴² *Ibid. — P. 31.* Необходимо отметить, что использование термина «Свальбардский договор» некорректно, так как в 1920 году официальное название архипелага было *Spitsbergen (Шпицберген)*, а не *Spitzbergen*, или *Svalbard (Свальбард)*. Название Шпицберген и было использовано в Договоре 1920 года. В то же время представляется некорректным употребление ранее Советским Союзом начиная с 1925 года — года вступления Договора о Шпицбергене и сопутствующих ему норвежских нормативных актов в силу — и теперь Россией и другими государствами СНГ, например Украиной, названия Шпицберген вместо *Свальбард*, поскольку эти нормативные акты — Закон о Свальбарде и Горный устав для Шпицбергена (Свальбарда) — дали архипелагу новое название, которое широко используется в международном лексиконе. С 1925 года название Шпицберген носит самый большой остров архипелага, ранее он именовался Западный Шпицберген.

⁴³ *International Law/Tunkin G.I. (ed.). — Moscow, 1986. — P. 104.*

⁴⁴ *Fleisher C.A. Oil and Svalbard. — Nordisk Tidskrift for International, Ret. 1976. — Vol. 45, Fasc I. — P. 8.*

⁴⁵ *Ibid. — P. 9.*

⁴⁶ См. *Ставицкер М. Русские на Шпицбергене. — М.—Л., 1948. — С. 72; Агранат Г.А. Зарубежный Север. — М., 1957. — С. 273; Mathisen T. Svalbard in International Politics. 1871—1925. The Solution of a Unique International Problem. — Norsk polarinstitutt skrifter, No. 101. Oslo, 1954, p. 144; Smith O.M., Le statut juridique des terres polaires. — Paris: Rousseau, 1934. — P. 146.*

⁴⁷ *Larsen K. A History of Norway. — Princeton: University Press, 1948. — P. 518.*

⁴⁸ Правда. — 1989. — 28 окт.

⁴⁹ См. Franckx E. Maritime Claims in the Arctic. Canadian and Russian Perspectives. — Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1993. — P. 73; Fogelson N. Arctic Exploration and International Relations 1900—1932. — Fairbanks: University of Alaska Press, 1992. — P. 43.

⁵⁰ См. Кулебякин В.Н. Правовой режим Арктики//Международное морское право/Под ред. Блищенко И.П. — М., 1988. — С. 139.

⁵¹ См. Fauchille P. Traite de droit international public. — Paris: Rousseau, 1925. — Vol. I. — P. 659.

⁵² См. To Establish an International Arctic Council. — Ottawa, 1991. — P. iii.

⁵³ См. Young E. The Arctic: Prospects for an International Regime/Byers, Denuclearisation of the Oceans. — R.B.(ed.). — L. and Sydney: Croom Helm, 1986. — P. 135.

⁵⁴ См. Sollie F. The Soviet Union in Northern Waters — Implications for resources and Security//The Soviet Union and Northern Waters. Archer D.(ed.). — L. and N. Y.: Routledge, 1988. — P. 42.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Sollie F. The New Development in the Polar Regions//The Challenge of New Territories. Sollie F.(ed.). — Oslo: Universitetsforlaget, 1974. — P. 29.

⁵⁷ См. Skagestad G. and Traavik K. New Problems — Old Solutions// Op. cit. — P. 44.

⁵⁸ См. Sollie F. Arctic and Antarctic — Current Problems in the Polar Regions//Cooperation and Conflict. — 1969. — No. 2. — P. 125.

⁵⁹ См. Kampelman M.M. NATO and the Northern Region: Security and Arms Control. — Change and Continuity in Europe's Northern Region: A Conference Report. — Wash. D.C., Oct. 23, 1990. — Significant Issues Series. — 1990. — Vol. XIII. — No. 4. — P. 31.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ См. Leck L. Military Strategy and its Socio-Economic Consequences in the Arctic since World War II. This paper was presented at the Conference «Military Development and Socio-Cultural Change in the Arctic». — Center for North Atlantic Studies, University of Aarhus 25—27 October, 1993, Aarhus, Denmark. — P. 15.

⁶² Ibid.

⁶³ Ibid. — P. 17.

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ Эта информация была получена через личные контакты в Департаменте морского флота российского Министерства транспорта.

⁶⁶ См. Lyck L. Internationalization in the Arctic. The paper was circulated at the Third Nordic Arctic Research Forum Symposium, January 16—18. — 1994. — Hundested, Denmark. — P. 5.

⁶⁷ Holst J.J. Norwegian Foreign Policy: Principles, Perspectives, Positions and Prescriptions. A lecture delivered to the Diplomatic Academy. — Moscow 1993. — P. 15.

⁶⁸ См. Fleisher C.A. Op. cit. — P. 7.

⁶⁹ Ibid. — P. 7—8.

⁷⁰ См. Treaty of 9 February. Op. cit. — P. 3.

⁷¹ См. *Brubaker D.* Marine Pollution and International Law. Principles and Practice. — London: belhaven Press, 1993. — P. 294—305.

⁷² *Franckx E.* Maritime Claims in the Arctic. Canadian and Russian Perspectives. Dordrecht: Martinus Nijhoff. — 1993. — P. 306.

⁷³ *Joenniemi P.* Regionalization in the Baltic Area. Actors and Policies. Oberg, J.(ed.), *Nordic Secutiry in the 1990s: Options in the Changing Europe.* London: Pinter Publishers. — 1992. — P. 178.

⁷⁴ *Skagestad G.* The Froze Frontier. Models for International Cooperation. Cooperation and Conflict. — 1975. — Vol. 10. — P. 186.

г. Харьков.

Статья получена редакцией в феврале 1997 г.